

Ольга Фёдоровна Добровольская

В блокаду мне было 5 лет. Началась война, нас не эвакуировали, так как я у мамы была одна, а в эвакуацию отправляли родителей, у которых было двое и больше детей. Мать была молодая, 25 лет, и работала на оборонном заводе. Во время блокады у меня была дистрофия, я перестала ходить.

В 1941 году было очень тяжелое время. Меня не с кем было оставить. Мама устроилась работать дворником, чтобы присматривать за мной. Весной выносили трупы людей, умерших за зиму, и складывали штабелями во дворе, потом грузили на грузовики и вывозили для захоронения. Рыть могилы было некому. Бульдозером выкапывали яму и все трупы сваливали в одну общую могилу – братскую.

Были военные карточки. В 1941 году, в самое тяжелое время, по этим карточкам не выдавали продукты. Мы меняли папиросы на хлеб. Я помню, как ходила к воинской части, где обслуживали зенитные установки. В этой части служили почти одни девушки. Во время войны много женщин служило в армии. Мама закутывала меня в шерстяной платок, сзади завязывала узел, и я приносила папиросы на бумажке (платочке), девушки забирали у меня папиросы, а взамен приносили хлеб. Я стояла у колючей проволоки и ждала.

Хлеб, выдаваемый по карточкам, называли «Дуранда», он наполовину состоял из бумаги. Мама приносила хлеб, размешивала его с водой и варила похлебку. Похлебку делила пополам, мне она наливали столько же, сколько и себе, несмотря на то, что я была ребенком, а она – взрослая.

По ночам мы ходили на мельницу имени Ленина на правом берегу Невы. Через сито мы просеивали половину и отбирали оставшиеся зерна. Когда удавалось набрать с ладошку зерна, мы считали, что этого достаточно, и уходили домой. Обычно после мельницы приходили домой грязные, черные.

Мама ночью подрабатывала в столовой – стирала халаты, за это ей давали миску похлебки.

Мама ездила к папе на передовую. В 1942 году, когда шли бои под Ленинградом, снаряды для орудий подвозили на лошадях. Снаряды убивали лошадей во время бомбежки, эти убитые лошади служили едой. Мама привозила конину, мы её ели.

Когда горели бадаевские склады, люди со всего города приезжали к ним и, кто что мог, выносили со складов – крупу, муку...

Все газоны были под грядками. Ели траву – лебеду, крапиву, траву с маленькими розовыми цветочками. Летом я стригла траву, а мать делала из неё лепешки и пекла их на плите. Ничего, кроме травы, не было в этих лепешках, но какими они были вкусными.

Была цинга: выпадали зубы, болячки распространялись по всему телу, опухали ноги. Дистрофия – были только кожа и кости.

В 1942-43 годах кое-где были организованы школы. Не было помещений, негде было заниматься. Я в школу пошла в 8 лет, была очень слабенькая. Сначала мы учились в здании детского сада, потом в здании госпиталя. Только в 3-ем классе мы стали ходить в школу № 341, это было красное двухэтажное здание возле текстильной фабрики имени Тельмана.

Помню, как мы играли на улице, и я уронила в бочку с водой шапочку и муфточку (в это время все дети ходили с муфточками). Я не смогла ходить в школу какое-то время и плакала, так как нечего было есть, а в школе нас немного подкармливали.

Помню, как отец приехал из госпиталя. Очень худой. Погиб он на Пулковских высотах. Он был артиллеристом. После войны нас нашел его командир, он рассказал, что отец умер у него на руках. Бой был страшный, земля была перемешана с орудиями и телами. В этом месиве невозможно было найти документы. И его объявили «без вести пропавшим».

У мамы была швейная машина, она шила мне бурки.

Летом мы бегали босиком, а перед школой она ходила на «Барахоловку» и покупала тапочки, подошвы у которых были сделаны из шин.

Вместо пальто мы носили взрослые телогрейки, на ноги надевали бурки из ткани с начесом, а сверху галоши.

У всех нас поголовно были вши. Мама расчесывала мне волосы гребешком.

Зимой мама возила меня на санках на станционные бани мыться.

В городе не было кошек и собак. Мародеры из человеческого мяса варили студень и продавали. Моя соседка рассказывала (ей во время войны было 15 лет), как она пошла менять одежду на хлеб и услышала разговор, что её хотят убить и съесть, она прыгнула в окно и убежала.

Страшный голод был.

Бомбежки не прекращались. Нас бомбили постоянно. Людей эвакуировали через Ладожское озеро. Очень много эвакуированных погибло во время эвакуации. Несмотря на то, что город постоянно бомбили и

мы жили под постоянной бомбежкой, город жил, работало радио, Ольга Берггольц читала свои стихи, вселяя во всех надежду.

Все ходили пешком. Транспорт в городе не работал. Люди замерзали прямо на улице. Умирали, не доходя до своего дома.

В домах не было воды. Воду возили в бочках на санках. А брали воду из проруби. Не было света, отопления. Мы сидели с коптилками, которые делали сами, а топливом служил керосин.

Люди жили в бомбоубежищах, на работе.

Город хорошо убирали. Эпидемий не было. Трупы вывозили сразу же.

После войны город был сильно разрушен. Много было приезжих для того, чтобы восстановить город. Раньше Володарский мост был очень тихий, было мало машин, движения по реке почти не было, ходил катер. Я родилась в Володарском районе, который теперь называется Невским.